
[REFdb.RU](#)

Поиск

Полнотекстовый поиск:

Где искать:

- везде
 только в названии
 только в тексте

Выводить:

- описание
 слова в тексте
 только заголовки

Рекомендуем ознакомиться

[Владимир Вестник Сбор 26-го марта о браке](#)

Документ

— Меня, если честно, разочаровало то, что Владимир довольно легко относится к гражданскому браку. Ведь издревле наши предки видели целесообразность в...[полностью>>](#)

[Проект Національне положення \(стандарт\) бухгалтерського обліку в державному секторі \(2\)](#)

Документ

1. Це Національне положення (стандарт) бухгалтерського обліку визначає методологічні засади формування в бухгалтерському обліку інформації про фінанс...[полностью>>](#)

[Не верьте в то, что Париж - город художников, он сам - художник!!! \(4\)](#)

Документ

Завтрак. Выселение с отеля. Дальше наш путь лежит в знаменитую, средневековую и обольстительную Германию... Переезд в Бремен. Экскурсия «Бремен - город...[полностью>>](#)

[Отправление из Санкт-Петербурга в 15: 00 на поезде №49 до Бреста \(Витебский вокзал\)](#)

Документ

Прибытие в Брест в 8:30. Посадка в автобус. Прохождение белорусско-польской границы (Прохождение границы возможно на электричке). Транзит по территории...[полностью>>](#)

[Житомирська обласна державна адміністрація розпорядження](#)

Документ

На виконання постанови Кабінету Міністрів України від 22.02.06 №190 „Про утворення Міжвідомчої комісії з погашення заборгованості підприємств паливно...[полностью>>](#)

Главная > Документ

Московский государственный университет им. М. В

Сохрани ссылку в одной из сетей:



90

Страницы: [← предыдущая](#) [следующая →](#)

[... 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25](#) [Смотреть полностью](#)

Лирика М. Богдановича дает возможность увидеть, как сложно развивался в белорусской литературе процесс освоения европейских литературных традиций, как тесно европейское переплетается с русским, если вообще оправданно это разделять, а уже тем более противопоставлять.

Связь с традициями русской и мировой литературы обнаруживается в одном из самых известных произведений М. Богдановича - поэме «Вероника». Поэма «Вероника» входит в цикл «Мадонны» и была опубликована в сборнике «Венок». Эпилог к ней, наряду с циклом «Любовь и смерть» и еще рядом стихотворений, по неизвестным причинам были изъяты из сборника и в современных изданиях произведений поэта они печатаются под рубрикой: «Произведения, предназначенные для “Венка”». Эпилог к поэме получил известность как отдельное стихотворение, которое в наше время было положено на музыку¹. Тем не менее, и основной текст, и эпилог могут и должны рассматриваться как художественное целое.

Поэма «Вероника» рассказывает о полных счастья и радости днях детства и юности, о зарождении первой любви, о тонких душевных переживаниях, о пробудившейся тяге к творчеству. Любовь эта, хотя и безответная, стала для героя самым дорогим сокровищем его жизни, ценность которого с годами только возрастает. Поэма во многом автобиографична, она посвящена самой большой привязанности М. Богдановича - Анне Кокуевой, родной сестре его гимназического друга, которая была музой поэта, и которой посвящен один из шедевров белорусской любовной лирики - стихотворение «Романс» («Зорка Вянера ўзыйшла над зямлею...»)². Правда, поэт хочет скрыть тайну сердца, а, возможно, и уйти от «прямой» автобиографичности, и в эпиграфе говорит, что героиня - плод его воображения, и дает ей вымышленные имя («пусть девочку зовут Вероника») и фамилию (Забела). Имя и фамилия героини, действительно, как бы «уносят» читателя далеко от Волги, где развивался юношеский роман поэта, в Белоруссию в имение

«паноў Забэлаў».

Белорусская критика заметила, что поэма М. Богдановича отличается «многомерным пушкинским мировосприятием», способностью принимать жизнь во всем ее многообразии³. Современный поэт и исследователь белорусской литературы Нил Гилевич высказывался о важности для автора «Вероники» художественного опыта А. Пушкина⁴.

М. Богданович на протяжении всей своей жизни испытывал глубокий интерес к русскому поэту, переводил его стихи, писал о нем литературно-критические заметки, опирался на его художественные открытия. В поэме «Вероника» можно выделить целый ряд черт, которые подтверждают это, хотя ни ее сюжет, ни система персонажей не имеют ничего общего ни с каким конкретным произведением русского писателя в отдельности. Анализируемая поэма обнаруживает ассоциативную связь и с романом в стихах «Евгений Онегин», и с философской и любовной лирикой А. Пушкина.

Обратимся к жанру. М. Богданович, как и его русский предшественник, широко экспериментировал с литературными жанрами, расширяя их возможности и «раздвигая» границы. В связи с этим он придавал особое значение жанровому обозначению своих стихов и всегда стремился к точности. «Вероника» названа не просто поэмой, а «стихотворным рассказом» либо «рассказом в стихах» («вершаванае апавяданне»). Произведение, с одной стороны, обладает теми же особенностями, что и рассказ: невелико по объему, имеет несложный сюжет, повествование ведется от первого лица – рассказывается «история». Однако действительность здесь воспроизводится средствами не только эпическими, но и лирическими. Этому способствуют стихотворная форма и особый образ повествователя, который, по сути дела, превращается в лирического героя. Одинаково, если не более важны как события, так и прямые, открытые выражения чувств и переживаний рассказчика. Обыкновенная житейская история о пробудившейся в сердце юноши любви к подруге детских игр становится исповедью с повышенной эмоциональностью звучания.

Определение «рассказ в стихах» не только точно с точки зрения жанра, оно имеет для читателя, воспитанного на русской литературной традиции, свой ассоциативный ряд. Это «подсказка», призванная отослать читателя к А. Пушкину, назвавшему главное свое произведение роман «Евгений Онегин» «романом в стихах». Очевидно, «дьявольская разница» существует и между просто рассказом и рассказом в стихах, и М. Богданович указывает на это.

Итак, М. Богданович, подобно Данте, «вызывает тень» знаменитого поэта. Все возможные сомнения рассеивает строка из первой строфы: «Схачу свой *вольны* верш пачаць», которая уже прямо адресует к роману свободной формы А. Пушкина («И даль *свободного* романа / Я сквозь магический кристалл / Еще не ясно различал»)¹. Следуя избранному принципу свободного в композиционном отношении повествования, М. Богданович как бы обрывает свой рассказ, не досказывает сюжет до конца, иронически обещая читателю закончить его, когда отыщутся «следы Пегаса». Обещание остается невыполненным. Далее следует эпилог, в котором герой спустя много лет оказывается вновь в старом саду, и только вырезанное на коре дерева дорогое имя напоминает о прошлом. Если вспомнить внезапное расставание А. Пушкина со своим героем на самом интересном месте, «в минуту злую для него», то можно высказать предположение, что открытость финала и в «Веронике» преднамеренна, а «Эпилог» выведен за рамки сборника и существует отдельно вовсе не случайно.

Героиня поэмы М. Богдановича, хотя и имеет вполне реальный прототип, персонаж вполне «литературный», т. е. ее образ создается с

учетом литературной традиции, в том числе пушкинской. В ее облике есть черты, напоминающие «мечтательницу нежную» Татьяну¹, которая предстала в воображении А. Пушкина с «печальной думою в очах, с французской книжкою в руках». В поэме М. Богдановича героиня, подобно Татьяне, спасается от одиночества в любимых книгах и тонко чувствует красоту природы:

...з маленства палюбіла
Хавацца ў сад стары яна,
Дзе веяла дыханне сна....
.....
І забывала Вераніка
Між зэлак з кніжкай аба ўсём².

Дело, разумеется не в том, что обе героини наделены такими «исключительными» качествами, а в том, как об этом сказано, в интонации, особенностях строфики и стихотворного размера.

Душа любимой героини белорусского поэта «ў паўнаце красы ўстае»³, оставляя глубокий след в его памяти, становясь его «милым идеалом». М. Богданович – поэт идеальной, возвышенной любви. Его идеалу женщины и женской красоты полнее всего соответствовал образ Мадонны⁴. Материнское начало проступает в его юных героинях, превращая их в возвышенно-прекрасные создания: «У тэй, што с постаццю дзяўчыны / Зліліся мацеры чэрты. / О, як прыхожы-дзіўны ты, / Двайной красы аблік ядыны».

Образ Мадонны в поэзии белорусского автора возник под влиянием великого мастера эпохи Возрождения Рафаэля (имя художника упоминается в тексте поэмы). Рано лишившийся матери М. Богданович в детстве любил смотреть на репродукцию картины итальянского мастера, которую его отцу подарил Максим Горький¹.

Образ возлюбленной неизменно наделяется эпитетами «чистый», «возвышенный», он рождает «вдохновенье» как у Пушкина, так и у Богдановича. Тут можно вспомнить и пушкинскую «Мадонну», но говорить следует не только и не столько о сходстве, сколько о различии в трактовке этого образа-символа у поэтов. Отметим лишь, что образец «чистейшей прелести» у А. Пушкина – жена и мать семейства.

Попутно отметим все же одно поистине мистическое совпадение. Женщины, внушившие любовь двум великим писателям, имеют одни и те же инициалы. Цикл «Мадонны» М. Богданович посвятил «А. Р. К» (Анне Рафаиловне Кокуевой). Один из лучших образцов любовной лирики А. Пушкина адресован «гению чистой красоты» «А. К.» (Анне Керн).

Возвышенное и будничное переплетается в «рассказе в стихах»: с описанием таинственного и романтического старого сада, где любит уединяться Вероника, соседствует другое видение этого пейзажа – осеннего, ненастного, с чернеющими гнездами ворон. Пожалуй, лишь М. Богданович после А. Пушкина не нарушает поэтичности описания картины природы использованием «непоэтической лексики», словами типа «забор», который к тому же «дырявый», «вороны» и пр. Не создает дисгармонии и ирония, которая органично вплетается в поэтическое повествование о ранней юности: «А іншы ўжо шчыпаў вусы / І лічыў іх гарой красы». Эти особенности стиля поэмы, очевидно, и вызвали у белорусских исследователей ассоциацию с пушкинским гармоничным восприятием жизни.

Эпилог к поэме «Вероника» у М. Богдановича начинается словами, вызывающими в памяти ассоциацию уже не только с романом в стихах. Хотя в последних строках романа А. Пушкин рассуждает о быстротечности жизни, о неизбежных потерях на ее пути, этот мотив наиболее

глубоко выражен в известной философской элегии «Вновь я посетил...» (1835). И первые строки из эпилога к «Веронике» адресуют именно к ней:

Ізноў пабачыў я сялібы,
Дзе леты першыя прайшлі.

Возвращение лирического героя в дорогие сердцу места сопровождается болезненными наблюдениями над следами разрушения, запустения и забвения («сцены мохам параслі»; «Усе глуха, дзіка, / Усе травой зарасло») и ведет к неутешительным мыслям о быстротечности жизни: «Няма таго, што раньш было».

Однако ни А. Пушкин, ни М. Богданович не приходят к выводу о тщетности всего земного и бессмысленности человеческой жизни. Оба были на редкость жизнеутверждающими поэтами и жизнерадостными людьми. Это особенно поражает в М. Богдановиче, который знал о своей неизлечимой болезни. Философское размышление А. Пушкина: «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна бокала полного вина»¹ – смертельно больной двадцатипятилетний М. Богданович «подхватывает» и делает основным мотивом одного из предсмертных своих стихотворений:

Пралятайце вы, дні,
Залатымі агнямі.
Скончу век малады,-
Аблятайце цвятамі.

Какие твердость духа и жизнелюбие!

Оба автора прославляют в своих стихах вечное движение и обновление жизни. Пушкин предстает стихийным материалистом-диалектиком: «много / Переменилось в жизни для меня, / И сам, покорный общему закону, / Переменился я»². Он вдохновенно приветствует «племя младое, незнакомое». М. Богданович прославляет любовь как вечную непреходящую ценность, наполняющую существование человека глубоким и истинным смыслом: дерево, на коре которого вырезано имя возлюбленной – «манумент жывы». Разрушительной силе времени способна противостоять только сила любви:

Чым болі сходзіць дзен, начэй,
Тым імя мілае вышэй.

Стихотворения А. Пушкина и М. Богдановича раскрывают радостное, светлое восприятие мира, утверждают радость бытия, что позволяет отнести их к анакреонтической традиции европейской литературы.

Анакреонтические мотивы были широко распространены в русской литературе XVIII – начала XIX в. в поэзии М. Ломоносова, Г. Державина, К. Батюшкова. В раннем творчестве А. Пушкина выделяется целый период, отмеченный глубоким интересом к древнегреческому поэту. Лучшим образцом русской анакреонтики считается его «Вакхическая песня». До конца своих дней А. Пушкин воспевал любовь как наивысшую ценность бытия.

Глубокий интерес к Анакреонту проявлял и М. Богданович. Не исключено, что любовь к поэзии этого древнегреческого автора возникла у белорусского поэта через посредничество пушкинской лирики, так как к концу XIX века А. Пушкин уже воспринимался как символ национальной русской культуры, и его творчество знали, любили, наконец, изучали в школе. В то же время программа дореволюционной гимназии предполагала достаточно основательное знакомство с

античностью, древними языками и литературой. М. Богданович хорошо знал древние языки. Знание латинского он углубил и расширил, получая юридическое образование. Ему принадлежит перевод на белорусский язык «Памятника» Горация, интерес к которому, по-видимому, тоже инспирирован русским поэтом. Продолжая традицию Горация и Пушкина, в предсмертном стихотворении М. Богданович пишет:

Ў краіне светлай, дзе я ўміраю,
У белым доме ля сінняй бухты,
Я не самотны, я кнігу маю
З друкарні пана Марціна Кухты.

Этой «книгой» является первый и единственный сборник стихов поэта. Присутствие в стихотворении мотива «Памятника», мысли, что он оставил свой след на земле и «весь не умрет», тонко почувствовал и отразил в переводе на русский язык А. Барахович: «Не так мне горько, я оставляю / «Венок» печатни Максима Кухты»¹.

Такие стихотворения, как «Маладыя гады...», «Набягае яно...» и др., свидетельствуют о важности воздействия философского и поэтического опыта древнегреческого поэта на белорусского автора. Свое отношение к поэзии Анакреонта М. Богданович выразил и в отдельном стихотворении:

Бледны, хілы, ўсё ж люблю я
Твой і мудры і кіпучы верш, Анакрэон!
Ён у жылах кроў хвалюе,
У ім жыццё струю плешча, вее хмелем ён.
Верш такі – як дар прыроды,
Винаграднае, густое, цёмнае віно:
Дні ідуць, праходзяць годы, –
Але ўсё крапчэй, хмяльнее робіцца яно².

Не совсем случайно, очевидно, и то, что стихи, написанные белорусским поэтом в русле анакреонтической традиции, не имеют названий и называются по первой строчке. Напомним, что у древнегреческих авторов еще не было принято давать названия своим стихам.

Поэзия Анакреонта, как известно, была очень популярна в древней Греции и в античном мире в целом и вызвала множество подражаний. Не чужд этой традиции и один из малоизвестных древнеримских поэтов Флор, прославляющий солнце и вино за то, что они разгоняют «сумрак ночи» и «сумрак души»¹. Мы обратили внимание на следующее его четверостишие, помещенное в цикле под общим названием «О том, какова жизнь»:

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре наметил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв².

При всем неоспоримом сходстве с мотивом эпилога к «Веронике» М. Богдановича мы все же удержимся от соблазна предположить, что белорусский поэт заимствовал этот мотив у древнего автора. Хотя некоторая зацепка есть. Известно, что на русский язык именно это стихотворение перевел В. Брюсов, который работал над книгой «Золотой Рим: очерки жизни и литературы IV в. по Р. Х.», оставшейся недописанной³. М. Богданович хорошо знал поэтическое творчество В. Брюсова и был знаком с ним лично.

Слишком много, однако, возникает вопросов, на которые трудно найти ответы. Неоспорим только факт глубокого знания М. Богдановичем

античной литературы и латинского языка. Да и обычай писать на коре деревьев имя возлюбленной стар как мир и продолжает жить. Только гению дано силой поэтического слова банальность превратить в символ великого чувства.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что белорусский поэт органично вписывается в традиции не только русской, но и европейской литературы.